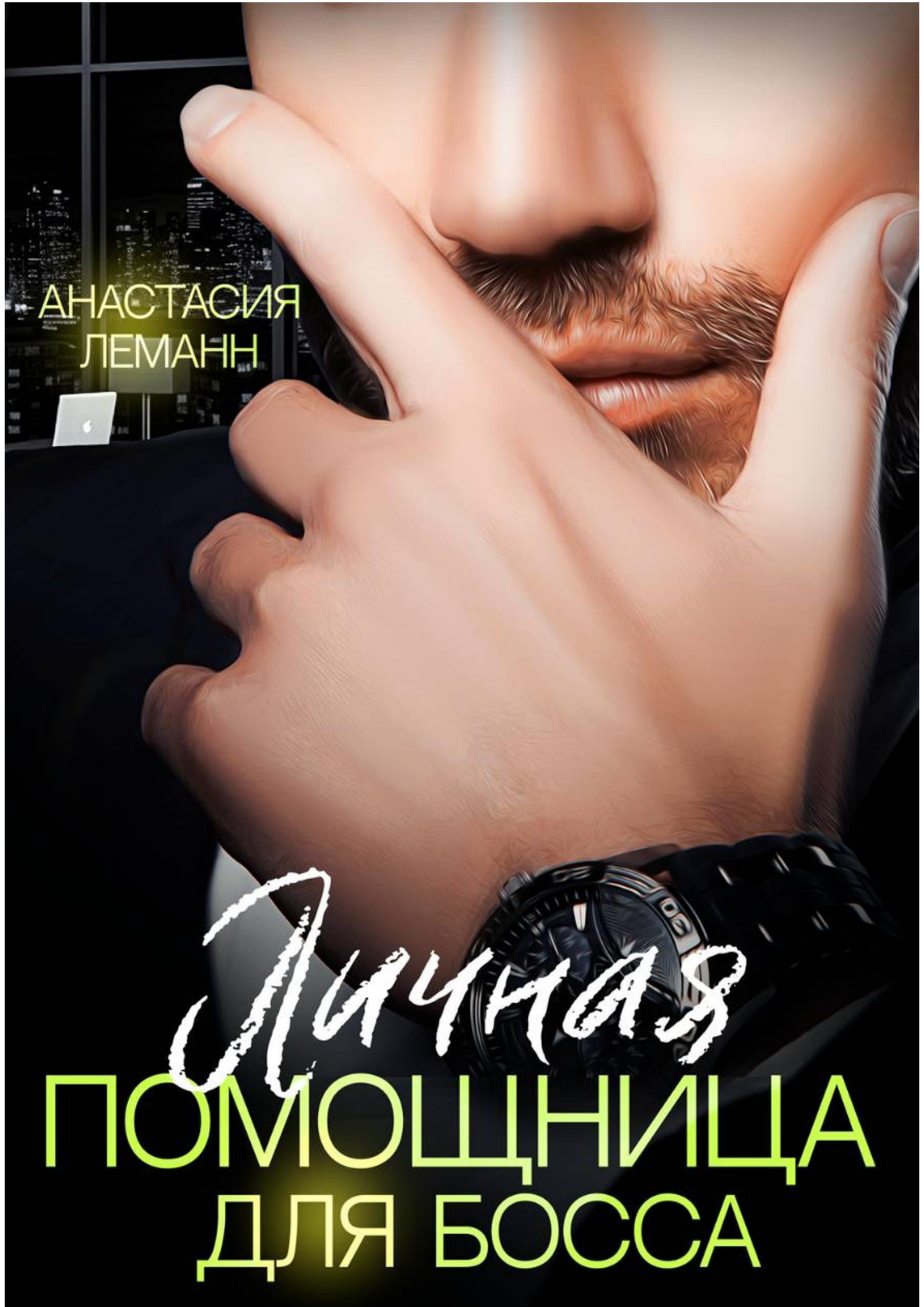

АНАСТАСІЯ
ЛЕМАНН

Лична
ПОМОЩНИЦА
ДЛЯ БОССА

Анастасия Леманн

Личная помощница для босса

«Автор»

2026

Леманн А.

Личная помощница для босса / А. Леманн — «Автор», 2026

— Бодя, стой! Я обернулась. За мной, в трёх шагах, шёл Ростовский-младший.
— Марта, отвали, я всё сказал! Компенсацию ты получила хорошую, и сверху я добавил тебе из своих достаточно, чтобы ты отстала!— Я жду ребёнка, Бодя. Охранник в будке перестал жевать. Две девицы из бухгалтерии, которые шли к турникету, остановились и сделали вид, что ищут пропуска. Я толкнула дверь и пошла вниз по ступенькам, пока это кино не досняли со мной в кадре. Вот это я попала в тайну дворцовых переворотов. Зима прошла, на улице весна, у всех любовь А у меня практика, опека и чужие беременные таргетологи.— Жениться я на тебе не обещал, и барана из меня делать не надо! А вот моя невеста и вправду беременна! Ступеньки почти кончились, когда сзади меня взяли за плечи чьи-то сильные руки.— Милая, мы едем? А то я переживаю, как там ты и наш малыш. Мы же на УЗИ! Какое ещё УЗИ? Я повернула голову. Надо мной было лицо моего босса, серьёзное и нежное, как на рекламном щите....

© Леманн А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ.	5
ГЛАВА 1.	7
ГЛАВА 2.	11
ГЛАВА 3.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Анастасия Леманн

Личная помощница для босса

ПРОЛОГ.

— Снежана!

Я подняла голову с локтя. Надо мной стояла наша декан Роза Алексеевна Кирсанова, и по её лицу было видно, что стоит она давно.

— Вот что я сейчас сказала?

Аудитория грохнула. Смеяться легко, когда за твою учёбу платят родители, а сам ты не таскал до пяти утра подносы в ресторане и не засыпал потом на третьей паре щекой на тетради. Я стёрла с лица сонное выражение и села прямо.

— Вы сказали, что с первого марта мы идём на практику, Роза Алексеевна.

— Я сказала, что с вами никто не будет возиться и нянчиться! Пятый курс, последний! От рекомендации зависит, возьмут вас потом на работу или нет, и я надеюсь, вы это понимаете, Кошкина! Доброе утро!

Курс заржал снова, как кони. Оля Яхонтова, первая красавица потока и дочь владельца отеля «Яхонт», повернулась ко мне с первого ряда и оглядела от очков до сапог, которым шла третья зима. Год назад она занимала мне место рядом с собой, заказывала на двоих пиццу и называла меня лучшей подругой.

Кирсанова вернулась к кафедре и взяла со стола лист.

— Списки. Слушаем и не переспрашиваем. Яхонтова, компания Ростовских, приёмная.

По рядам прошёл завистливый гул. Ростовские были самой крупной рекламной компанией не только в Петербурге, но и в России, и после их приёмной на работу брали с закрытыми глазами. Оля улыбнулась так, словно ей сообщили, что сессию отменили.

Дальше шли банк, телеканал, сеть гостиниц. Фамилии детей богатых родителей ложились на хорошие места одна за другой, и ни одна меня не удивила. Я ждала свою и думала не о красивой строчке в дипломе. Мне нужна была бумага с печатью, по которой берут на нормальную дневную работу с договором и зарплатой, потому что дома меня ждали Данька и Уля, дети моего брата, а Данина учительница после последнего собрания уже спрашивала, кто у нас в доме взрослый.

— Кошкина.

Я подняла ручку над тетрадью.

— Типография на Обводном, архив. Практика без оплаты.

Кто-то на заднем ряду хрюкнул. Архив типографии был местом, куда за пять лет не отправили ни одного человека с нашего потока, даже тех, кто сдавал экзамены с четвёртого раза. Туда не распределяли, туда ссылали.

— Роза Алексеевна, у меня средний балл выше, чем у половины списка.

— У вас, Кошкина, сон на лекциях выше, чем у всего списка. Садитесь.

— Я не вставала.

— Вот и не вставайте.

Пока был жив Паша, Кирсанова при мне разве что в книксене не приседала. Мой старший брат Павел Кошкин был из тех, о ком пишут в деловых новостях, а я ездила на своей машине и считалась королевой этого самого курса. Потом брат погиб в аварии, счета опустели за два месяца, машину пришлось продать, и оказалось, что королева без денег на нашем факультете называется по-другому. Увы и ах.

Яхонтова обернулась ещё раз и подпёрла щеку ладонью с маникюром цвета спелой вишни.

— Не расстраивайся, Кошкина. Тебя к Ростовским тоже пустят. С подносом.

Курс засмеялся в третий раз, и громче всех смеялись те, кто прошлой зимой пил шампанское у меня дома. Я перевернула страницу пухлой тетради и вывела сверху число. Рука писала ровно, буква к букве, и головы я так и не подняла. Держись, Кошкина. Кошкины не плачут, тем более при Яхонтовой.

— Оля, поднос тоже надо уметь держать. У тебя не получится.

ГЛАВА 1.

— О, Снеж, привет!

Лена вышла в коридор, придерживаясь за косяк, помятая, с отпечатком подушки на щеке, во вчерашнем халате. От неё несло перегаром. Часы в прихожей показывали половину четвёртого, и после лекции у Кирсановой мне только этого не хватало.

— Данька через двадцать минут придёт из школы. Ты Улю забрала?

— Голова болит, Снеж. Я сейчас, я только умоюсь.

— Лена, ты работать вообще собираешься? Мне очень тяжело! Я простой человеческой помощи хочу! Я всё понимаю, но Даня и Уля тебе не чужие, это твои дети!

Она втянула голову в плечи и улыбнулась виновато, как улыбалась всегда, когда сказать было нечего. Я махнула рукой. Господи, хорошо, что брат этого не видит. От того, чтобы выставить Лену из моей квартиры, её спасали двое: Данька и Уля. Квартиру в центре Паша подарил мне на двадцать лет, их собственный дом прошлым летом ушёл за долги, и с тех пор мы жили вчетвером на мои чаевые.

Мне было двадцать три года, я училась на пятом курсе, по ночам носила подносы в ресторане «Семь самоваров», и у меня было двое детей, по бумагам не моих. Мы с Пашей сами выросли в детском доме. Там кормят, одевают и учат, только ты там ничей, и я не понаслышке знала, каково это.

Я сходила в садик за Улей, и всю дорогу обратно она рассказывала мне, что воспитательница разрешила ей быть на утреннике лисой. На нашей лестничной площадке, на ступеньке, сидел Даня с рюкзаком на коленях. Рядом стояла сухая женщина в сером пальто, с папкой на молнии под мышкой.

Даня встал мне навстречу.

— Мама не открывает. Я звонил.

— Кошкины здесь живут? Инспектор опеки. В школе сказали, что мать пришла на родительское собрание нетрезвой.

Я отперла дверь. Прятать мне было нечего, кроме Лены. Инспектор прошла по квартире, ничему не удивляясь: открыла холодильник с супом, котлетами и йогуртами для Ули, заглянула в ванную, постояла в детской, где на столе лежали Данины тетради, а на полке Пашины часы, которые я берегла до Данькиных восемнадцати. Потом она дошла до кухни. Лена сидела там с мокрыми после умывания волосами и держала чашку двумя руками.

— Вы Елена Кошкина? Работаете?

— Я приболела. Да устраюсь я на эту работу, мне уже обещали место!

— Я вижу, чем вы приболели. Кто в доме готовит?

— Снежана, — ответил из коридора Даня. — И уроки со мной делает Снежана. И на собрание пусть в следующий раз она идёт.

Лена заплакала, тихо и привычно, а инспектор кивнула мне на дверь, и мы вышли в прихожую. Уля тут же обхватила мою ногу.

— Вы детям кто?

— Тётя. Сестра их отца.

— Работаете?

— Учусь. Ночью работаю в ресторане, без оформления.

— Значит, по бумагам вы не работаете нигде, а ночью дети остаются с ней.

Возразить было нечем. Она расстегнула папку, что-то записала и посмотрела на меня поверх листа без всякой злости.

— Слушайте меня внимательно. Я вижу, кто в этом доме детям мать. Но по закону мать она, и, пока это так, записать детей на вас я не могу. Через месяц, девятнадцатого марта, я

приду снова. Если она по-прежнему пьёт и не работает, я выхожу в суд. Тогда дети идут либо к родственнику, у которого есть жильё и доход по договору, либо в центр. Жильё у вас есть.

— В центр они не пойдут.

— Это решаю не я и не вы. Это решает бумага. Принесите мне бумагу, Снежана.

Дверь за ней закрылась. Улина варёжка всё это время была у меня в руке, и я скрутила её в жгут. Месяц. За месяц мне, официантке без оформления, надо было стать человеком с бумагой, а у меня были пятый курс, ночные смены и Лена. И ещё слово «центр», сказанное так буднично, будто речь шла о продлёнке.

Даня стоял у вешалки, не сняв куртку, насупленный, вылитый Паша в детдомовском коридоре.

— Я в центр не пойду. Я сбегу.

— Никто никуда не пойдёт, Дань. Слово даю.

Из кухни вышла Лена с красным носом и встала в дверях, обнимая себя за локти.

— Она что, правда может их забрать? Снеж, ты же ей скажешь, что я хорошая мать? Ты же скажешь?

— Я ей врать не буду, Лена. Она не слепая.

— Ах вот как! Конечно, ты у нас святая, а я дрянь! Ты хоть помнишь, что это мои дети, а не твои?

— Каждую ночь, когда ухожу на смену и оставляю их с тобой.

Она открыла рот и закрыла, потому что через два часа мне и правда надо было на смену, а суп на завтра варить было некому, кроме меня. Даня молча забрал Улю в детскую. В девять лет он уже умел укладывать сестру сам, и гордиться тут было нечем.

Слово я дала, а в пятницу через неделю пришла в деканат за направлением в архив типографии, из которого бумагу с печатью не выносил ещё никто. Из-за двери на весь коридор кричал мужской голос, и через слово в нём звучало «Роза Алексеевна».

Я постучала, вошла и остановилась на пороге. Кирсанова стояла у своего стола, как первокурсница на пересдаче, а по кабинету ходил мужчина в дорогом пальто. Я знала его в лицо: проректор по работе с партнёрами, тот, что каждый сентябрь говорил нам речь со сцены. С высокомерного лица Кирсановой ушли вся спесь и лет пятнадцать. Красавицей она никогда не была, молодящаяся особа с заносчивым характером, и не любил её никто, даже я в свои лучшие времена.

— Максим Фёдорович, вы...

— Роза Алексеевна, Ростовские люди серьёзные! Они попечители этого университета, на их деньги у вас в деканате окна стоят! И я со своего места полечу, и вы вслед за мной, это я вам гарантирую! Парень вашу Яхонтову, видите ли, бросил, и она в приёмную не пойдёт, у неё душевная травма! Да любая была бы счастлива проходить практику у Ростовских, любая! Пётр Валентинович с утра ждёт человека, а мне какую причину называть? Свиристелку парень бросил? Вы декан или кто?

Он резко обернулся и наткнулся на меня. Глаза у него были карие, цепкие, и смотрел он с таким интересом, что я растерялась.

— Девушка, вас как зовут?

Кирсанова схватилась за край стола. Он взял меня за руку выше локтя и поставил между собой и ею, как ставят ребёнка перед гостями: вот, полюбуйтесь.

— Снежана Кошкина.

— Кошкина. Павла Кошкина сестра?

— Родная.

— Вот и отлично. Снежана Кошкина будет у Ростовских!

— Максим Фёдорович, это невозможно, она распределена в типографию, и потом, вы же помните, чем кончилось с Павлом Кошкиным...

— Послушайте, я так сказал, значит, так будет! Снежана, подождите меня за дверью, пожалуйста!

Я вышла и прижалась лопатками к стене. Приёмная Ростовских, место Яхонтовой, досталась мне за полторы минуты. Это сон или Паша наконец упросил на небесах ангелов и мне выдали лотерейный билет?

Брат, я очень скучаю... Если бы ты знал, как мне здесь плохо. Но я буду держаться, ради себя, ради Даньки и Ули. Их я не брошу никогда.

Дверь деканата открылась раньше, чем я успела вытереть нос. Кирсанова вышла первой, прикрыла за собой створку и подошла ко мне вплотную.

— Не ободряйтесь, Кошкина. Вас туда берут не за ум, вами затыкают дыру. Ростовские таких, как вы, едят на завтрак. Через неделю вы вернётесь, и типография покажется вам курортом.

— Через неделю, Роза Алексеевна, я принесу вам оттуда рекомендацию. Повесите в рамочку.

В машине Максим Фёдорович закурил, как только мы встали в пробку на набережной, и опустил стекло.

— Павел был хватким. Да и человеком хорошим. Мне жаль, что так вышло, Снежана.

Я кивнула. С такими людьми я разговаривать не умела даже в те времена, когда Паша возил меня на светские вечера: стояла у стены и молчала. Я вообще-то из деревни. Родители пили безбожно, и нас с братом забрали в детский дом, когда мне было семь.

— Говорят, он играл? И вы закрыли все его долги?

— До копейки. Простите, я не очень хочу об этом говорить.

— Это вы меня простите. Странно только. Я три года сидел с ним в одном деловом клубе и за картами не видел его ни разу.

Он выбросил окурок и закурил снова, а я отвернулась к окну. Долги были, расписки тоже. Их привёз Костя Рыбин, Пашин партнёр, и ещё плакал у нас на кухне.

— Вам не кажется, что в этой компании я буду лишняя?

— Нет, Снежана. Я уверен, лишней вы там точно не будете.

Здание Ростовских поражало. Я, как замороженная, смотрела на лепнину под потолком холла и на люстру, достойную дворца. У проходной нам навстречу вышла из лифта девушка в шубке с горностаем, у меня когда-то была такая же. На десятом этаже нас встретила приёмная в зеркалах, и что-то мне подсказывало, что рамы на них покрыты не краской под золото. Реклама — двигатель торговли, а хороший понт дороже денег.

— Присядьте, пожалуйста, на диван.

Проректор скрылся за правой дверью. Я села на чёрный диван, взяла журнал, и почти сразу правая дверь распахнулась, и оттуда вылетел рослый молодой мужчина. Из кабинета ему в спину гремел голос.

— Я тебе всё сказал, Богдан! Тебе двадцать восемь лет! Если ты до лета не возьмёшься за ум, офис получит твой старший брат, а ты пойдёшь к нему в подчинённые! Ещё одна твоя выходка, и всё!

Следом вышел седеющий импозантный человек. Ростовского-старшего я узнала сразу: его лицо висело у нас в университете на стенде попечителей. Младший даже не обернулся.

— Папа, там холоп твой из университета приехал!

Тут он увидел меня. Синие глаза прошлись по мне сверху вниз и остановились на дерматиновой сумке на коленях, и рот у него поехал в сторону.

— Да уж. Боюсь, половину клиентов мы потеряем. Папа, пожми холопу руку, он решил разрушить твой бизнес и посадил в приёмную очкарика!

Я едва сдержалась. Да, вижу я плохо, зато очки у меня стильные и модные — последнее, что осталось от прежней жизни, когда я была золотой молодёжью с сумкой из крокодиловой

кожи и французскими духами. Если проректор для этого мажора холоп, то стесняюсь спросить, кто тогда я. Ну погоди, Богдан. Ты плохо знаешь, какой стервой я могу быть.

— Перед девушкой извинись!

— Ага, бегу и волосы назад!

Он исчез за поворотом коридора. Я прижала к себе сумку и подняла голову: на меня смотрел его отец большими голубыми глазами, уже спокойно. Ни я, ни мой вид в этот интерьер не вписывались.

Надеть мне сюда в понедельник было нечего: всё хорошее я распродала за бесценок, лишь бы выпутаться из долгов. Может, сбежать, пока не поздно? Кажется, поздно... Господи, прости.

— Пойдёмте, Снежана. Не обращайтесь на него внимания.

В кабинете Пётр Валентинович усадил меня в кресло и сам сел не за стол, а напротив.

— Павла я знал. Теперь к делу. Секретарь у меня ушла в декрет, а практиканток в приёмную я каждый год беру с пятого курса, и называется это у нас теперь по-другому. Личная помощница. Приёмная у нас с сыном одна на двоих: моя дверь направо, его налево. Помогать будете обоим. Справитесь с обоими?

— С вами справлюсь.

— А с ним?

— А его, Пётр Валентинович, в детском доме за «очкарика» оставили бы без компота. Я попробую тем же способом.

Он рассмеялся так, что проректор у окна чуть не пролил чай.

— С понедельника, к девяти. Практикантам я плачу, если есть за что. И запомните, Снежана: боссов в этом здании двое, но ваши бумаги подписываю я.

У лифта стоял Ростовский-младший и крутил на пальце ключи. Двери разъехались, он пропустил меня вперёд и вошёл следом.

— До понедельника, очкарик. Спорим, до пятницы вы отсюда сбежите? Практикантки у отца дольше недели не держатся.

— На что спорим, Богдан Петрович?

— На что хотите.

— На извинение. При всех. С волосами назад.

Он перестал крутить ключи. Лифт пошёл вниз, и до первого этажа мой будущий босс не сказал больше ни слова.

ГЛАВА 2.

— Отлично выглядишь. В какую фирму взяли?

Лена стояла в дверях кухни и держалась за голову. От неё опять несло вчерашним, и настроение, которое я с шести утра собирала по кусочкам, улетучилось сразу. Я как раз заканчивала с лицом у зеркальца на подоконнике: чуть фарфоровой пудры, румяна, от которых кожа кажется здоровой, нежно-розовый блеск. Люди из высшего общества очень любят румяна, это я знала точно. Глаза тронула тушью, а за ухом оставила каплю французских духов из флакона, купленного ещё при Паше.

Белая нейлоновая блузка с кружевом и чёрная юбка-карандаш сидели на мне изумительно. Блузку я любила за мягкую, нежную ткань, а сидела она так потому, что после гибели Паши я сильно похудела. Я помнила, как равнодушно впихивала в себя какую-то еду и ничего не хотела: ни есть, ни пить. Мы с братом всегда были одним целым, в детском доме я бы без него не выжила, а потом в один день его не стало.

— К Ростовским. Лена, отведи детей, пожалуйста! Я опаздываю! Завтрак на плите!

— Голова болит. Снеж, у тебя пятисот рублей не будет?

— Нет. Ты обещала, Лен. До девятнадцатого осталось восемнадцать дней.

— Да устроюсь я на эту работу! Успокойся!

Она налила себе воды из-под крана и ушла в комнату. Хороша она была до сих пор, глазищи цвета морской волны, и Пашу я понимала. Только красотой в ней всё и заканчивалось. Красивая пустая кукла, которой были нужны наряды, мужчины и рюмка, а двое детей в этот список не помещались.

— Иди, — сказал Даня и снял с крючка Улину куртку. — Я сам отведу. Ты опоздаешь.

Уля вышла в коридор в одном сапоге, с зайцем под мышкой, и уставилась на мои губы с блеском.

— Снежа, а ты теперь начальница?

— Нет, зайка. Я помощница начальника.

— А он добрый?

— Он очкариков не любит.

— Тогданими очки и укуси его.

Даня засмеялся в воротник, и это был первый его смех за неделю. Я застегнула Уле второй сапог и вышла, пока не передумала.

Оставлять детей на Лену я не хотела даже на полчаса, и на душе у меня было гадко, пока я шла к остановке. Маршрутки не было долго. Я стояла на ветру, когда в кармане дёрнулся телефон.

«Улю сдал. Воспитательница спросила, почему опять я. Я сказал: мама болеет».

Врал он за взрослых уже без запинки. Так же маленький Пашка врал соседям, что мама болеет, когда носил нам от них еду. Мама наша, белокурая, кудрявая, городская, влюбилась в первого деревенского красавца, который отслужил, вернулся и пил, как пила вся его родня. Когда мне исполнилось два, пили уже оба.

Я набрала: «Больше за неё не ври». Стёрла и написала: «Спасибо, Дань». Пашка, я справлюсь... Слово даю.

Охранник на проходной сухо кивнул. Пальто я сдала в гардероб, и какая-то шатенка у зеркала проводила взглядом мой воротник. У лифтов стоял автомат с горячими напитками, и я полезла в кошелёк за мелочью на чай с лимоном, потому что с утра ничего не ела. Очки с мороза запотели, я сняла их и стала протирать платком.

— Личная помощница босса чай в автомате не покупает. Заваривать его входит в её обязанности. Забыли? Может, вы и принтером из соседнего кабинета пользоваться начнёте?

Монета выскользнула у меня из пальцев и покатилась по мрамору. Ростовский-младший наступил на неё ботинком, поднял и опустил в щель автомата. Этаким синеглазый мацо, которому никогда в жизни не приходилось считать мелочь.

— Слушайте, помощница, а без очков вы красивее. Правда, веснушки. Тонального крема нет? До первой зарплаты далеко, отец у нас жадный. Хотя такую красоту кремом не скроешь. Ничего, скоро выйдет солнце, ваш лучший друг.

— Почему это оно мой друг?

— Потому что вы Снежана. Снегурочка. Весна на дворе, растаете.

— Крем у меня есть, Богдан Петрович. Совести в продаже не было, а то я бы и вам захватила.

— О, она ещё и кусается! Отец будет в восторге. Он обожает, когда в приёмной кусаются, это отпугивает просителей.

Я забрала стаканчик. Он уехал первым, а я дождалась следующего лифта.

Понятно. Сын шефа решил, что я груша для биття, и травля с нашего курса переехала вместе со мной на десятый этаж. Потрясающе, жизнь не давала мне лёгких вариантов. Веснушки, да, согласна, они преследовали меня с детства. Я не была ни красавицей, ни уродиной, а яркий макияж не любила никогда, даже когда могла позволить себе любой.

На десятом этаже, за углом у приёмной, разговаривали двое, и я остановилась, пока меня не заметили.

— Твой отец реально взял этот отстой на работу? Ты видел её блузку? Что это за кружева и вензеля? Пятидесятые? Или сороковые? Так сейчас не ходят! Ещё и в приёмную посадить такое! Да она всех клиентов распугает! Отстой немодный!

Я осторожно выглянула. Ну конечно: ноги от ушей, короткая юбка, блузка по последнему писку моды и красные лакированные туфли. Свои такие же я продала одними из первых. К этому прилагались фигура без единого изъяна и роскошные каштановые волосы. Незнакомка облокотилась на плечо Богдана, а он вдруг снял её руку, как снимают с пиджака чужую нитку.

— Слушай, Марта, займись лучше делом. Постель не повод, чтобы я постоянно прикрывал тебя перед отцом!

Он поднял голову и увидел меня. Про блузку он не сказал ни слова, и за это я была ему почти благодарна. Я прошла мимо них в приёмную с прямой спиной. Просто прекрасно... Первый рабочий день начинался на ура.

До обеда я разобралась с телефоном, с почтой и с тем, какая из двух дверей как хлопает. В половине первого из правой вышел Пётр Валентинович и положил передо мной папку.

— Снежана, посмотрите, пожалуйста, эти бумаги. Вот это надо распечатать, здесь всё отсканировать, и желательно побыстрее! Это договор с Москвой, с Гараниным, оригинал с подписями. Очень важные для нас бумаги!

— Сделаю, Пётр Валентинович.

— Мне надо отъехать, отдадите Богдану. Кстати, сейчас обед, у нас внизу очень вкусное кафе. Там изумительные колобки с мясом! Есть ещё с изюмом, но с мясом просто объедение, сам иногда туда хожу!

Наверное, моё замешательство он оценил правильно, потому что тяжело вздохнул и полез во внутренний карман.

— Не стесняйтесь, Павел на моём месте сделал бы то же самое. Аванс я вам выпишу. А пока вот, возьмите.

На стол легла пяти тысячная купюра. Я отодвинула её обратно, к его руке.

— Что вы, не надо!

— Снежана, перестаньте. Возьмите и идите покушайте. Я уехал!

Сначала я всё-таки сделала дело. Отсканировала договор до последней страницы, сохранила в папку на компьютере приёмной, сняла копии, а оригинал вместе с копиями убрала в шкаф, на вторую полку. Только потом спустилась вниз.

В офисном кафе было чисто и уютно, и на витрине лежали те самые колобки, круглые, румяные, размером с кулак. Я взяла один с мясом, один с изюмом и чай и села подальше от окна. Вот придут деньги, куплю Дани новую куртку, а Ульяне сапожки. Когда-то у них было всё самое яркое и модное, а теперь Дани ходил в куртке, из которой вырос, и ни разу не пожаловался. Может, я и не задержусь в этой крутой фирме, но после неё меня возьмут в другую, попроще, и бумагу для опеки я принесу.

— Пятидесятые!

Звонкий голос за спиной принадлежал той самой Марте, сомнений быть не могло. Я покосилась через плечо. Рядом с ней стояла худая блондинка в чёрном платье, в замшевых ботфортах и колготках в полоску. Красиво. Полосатая оглядела мой поднос и скривила губы, а Марта подошла вплотную к моему столу.

— Эй, помощница. Этот стол наш.

— Здесь свободно ещё три.

— Ты не поняла. В этом здании всё, на что я смотрю, моё. Столы тоже.

— Тогда не смотрите, пожалуйста, на мой колобок. Он один с мясом остался.

Кто-то у кассы хохотнул. Марта медленно выпрямилась и повернулась к подруге.

— Господи, сколько ей лет? Она же студентка! И косметикой не пользуется. На куклу из киоска похожа, только в очках. Ты её личное дело видела?

— Я его оформляла. Детский дом, ночами носит подносы в «Семи самоварах», сама в анкете написала, на руках чужие дети. Благотворительность у нас теперь сидит в приёмной.

Они прошли к кассе, не понижая голоса. Я откусила колобок с мясом, и он оказался таким, что на секунду мне стало всё равно. Да хоть на матрёшку похожа, плевать на них. Пашка обещал мне когда-то: раз родители нам ничего не дали, он всё сделает сам, и я буду жить как принцесса. Слово он сдержал, только ненадолго. Теперь моя очередь держать слово, и я его сдержу, даже если ради этого придётся каждый день обедать под «пятидесятые».

Когда я вернулась в приёмную, Богдан Ростовский уже стоял там у окна. Он обернулся и окинул меня взглядом, быстро и по-кобелиному. Красивый, чего уж там. О нём писали все модные блогеры: самый завидный жених Петербурга.

— Вы где бродите, Снегурочка? Где документы?

— В шкафу, сейчас.

Я открыла шкаф. Вторая полка была пустая. Я переложила с первой журналы, заглянула на третью, присела к нижней и вытряхнула даже коробку со скрепками, хотя папка с договором туда не влезла бы никогда.

— Минутку! Я помню, я оставила их здесь!

Ростовский демонстративно посмотрел на часы.

— Снегурочка, вы отнимаете моё время. Ладно, я подожду, мне же совершенно некуда спешить, у меня всего-то Москва ждёт на телефоне.

Он сел на стул для посетителей, закинул ногу на ногу и стал наблюдать. Я обошла приёмную по кругу, выдвинула каждый ящик своего стола и проверила принтер, а он следил за мной с интересом ребёнка, у которого хомяк впервые побежал в колесе.

— Вот сюда же положила! На вторую полку!

Он встал. Двумя пальцами выдвинул из-под моего стола мусорное ведро, заглянул в него и вынул оттуда папку Петра Валентиновича. С неё капало. Оригинал с подписями и мои копии были залиты сладким чаем, листы слиплись, буквы на первой странице поплыли синими разводами, а из середины торчал ломтик лимона.

— Это что?

Я опустила в кресло. Этого не могло быть: ещё до обеда я закрывала дверцу шкафа своими руками.

— Я этого не делала. Сами подумайте, зачем мне это надо?

Голос у меня был уже мокрый. Так, только не разреветься. Ни за что. Ты Кошкина, в конце концов, соберись. Кошкины не плачут, тем более при мажорах с синими глазами.

— Богдан Петрович, я сама закрывала шкаф. В двенадцать пятьдесят.

— А в час десять вы ели колобки. Знаю, мне уже доложили, что взяли вы два.

— Здесь что, считают, кто сколько съел?

— Здесь считают всё, Снегурочка. Привыкайте.

Он не стал ни смеяться, ни кричать, и от этого было только хуже. Мокрую папку он положил обратно в ведро, поднял его за край и пошёл с ним к своей двери.

— Отец вернётся через сорок минут. Камеры в приёмной пишут с девяти утра. Сидите здесь, Снегурочка, и ничего не трогайте.

ГЛАВА 3.

— Это что за дрянь? Договор с Москвой в таком виде? Если ты спишь с этой потаскухой, она что, решила, будто имеет право уничтожать мне важные бумаги? Ты хоть понимаешь, что она наделала? Езжай сам к Гаранину, проси новый экземпляр, позорься и унижайся, раз штаны на себе удержать не умеешь! Ты идиот, я с каждым годом убеждаюсь в этом всё больше! Мне стыдно, что ты мой сын, Богдан!

— Она хотела подставить твою новую секретутку!

— Взрослая баба за тридцать подставляет стажёрку! И Снежана не секретутка, а помощница, очень хорошая и, между прочим, ответственная!

Я сидела в приёмной и слушала, как за правой дверью кричит Пётр Валентинович. Камеры всё показали: пока я ела колобки, Марта открыла шкаф, вынула папку и вылила в неё свой стакан. Как это низко. Что я ей сделала, кроме того, что села за свободный стол?

Плакать я передумала ещё полчаса назад. Вместо этого я открыла на компьютере свою папку со сканами, отправила договор на печать и, когда принтер выдал последнюю страницу, постучала в правую дверь.

— Пётр Валентинович, текст цел. Я отсканировала договор до обеда, как вы велели. Вот распечатка, все страницы. Нет только живых подписей.

Оба Ростовских усталились на стопку у меня в руках. Пётр Валентинович взял её, перелистал до конца и сел.

— Богдан, ты слышал? Текст у тебя есть. Сегодня же едешь в Москву и привозишь мне подписи Гаранина на чистом экземпляре. Сам едешь. В ногах у него валяйся, мне всё равно.

— Привезу.

Сказал он это отцу, а смотрел на меня, и так на меня здесь ещё никто не смотрел: будто у очкарика вдруг обнаружилась голова.

— А теперь зови сюда свою красавицу.

Марта пробыла за правой дверью десять минут. Из того, что донеслось, я разобрала только «по соглашению сторон», «компенсация» и «подпишете о неразглашении». Вышла она, глядя поверх голов, прошла мимо моего стола, вернулась и наклонилась так близко, что её каштановые волосы легли на мою клавиатуру.

— Довольна, пятидесятые? Запомни: ты здесь на месяц, а я здесь семь лет. Я вернусь. А ты поедешь туда, откуда тебя привезли, в свой детский дом.

— Из детского дома я уже вышла. А вы из этой приёмной только выходите.

Она откинула волосы и ушла к лифту, ни разу не оглянувшись. Ростовский-младший вышел следом за ней и остановился у моего стола.

— Всё хорошо, не волнуйтесь, Снегурочка. Всех сказочных злодеев уволят.

Сарказм я расслышала, но решила не обращать внимания. Последним появился Пётр Валентинович, уже в пальто.

— Снежана, не вздумай даже расстраиваться. Это всё дурацкие игры моего сына и его баб. Ты очень хороший человек и сотрудник!

К шести вечера у меня на карте лежали аванс и премия, а к травле мне было не привыкать. На остановке толпился народ. Ветер забирался под весеннее пальто, и я уже жалела, что не надела зимнее, когда у бордюра затормозила жёлтая спортивная машина, низкая, как из кино. Студентки рядом со мной охнули, и вся остановка вылезла из телефонов.

— Подвезти?

— Я...

— Снегурочка, садитесь давайте!

Было неудобно, но на нас смотрела целая остановка, и я села. Ростовский покосился на меня.

— В центре живёте?

Я кивнула и назвала адрес.

— За Марту извините. Она глупая и ревнивая.

— Она приревновала вас ко мне?

— А что, к вам ревновать нельзя?

Я растерялась. Этот человек умел ставить в тупик одним вопросом.

— Я вашего брата хорошо знал. И вас один раз видел. Вы танцевали на столе, вас унесло с бокала шампанского.

Позорный факт своей биографии на втором курсе я помнила отлично: пить мне нельзя совсем — наверное, в детстве хватило родителей. Помнила, как Паша выносил меня из клуба вдвоём с другом. Лица друга не помнила.

— Я этого не помню.

— Вы весёлая были. Кричали, что белки захватили город, и требовали срочно вызвать лесника.

Он рассмеялся, а я полезла в сумку за тем, чего там не было. Про лесника знали только двое: Паша и тот второй, что помогал ему донести меня до машины. Прекрасно. У босса феноменальная память, и хранится в ней всё самое нужное.

У моего дома он затормозил сам, хотя я ещё не показала подъезд. В белый внедорожник у арки садилась Лена, хорошо одетая, накрашенная, с завитыми кудрями. За рулём сидел Костя Рыбин, тот самый Пашин друг и партнёр, который на поминках торжественно клялся нам помогать. Тонировки у него не было, и их поцелуй я видела во всех подробностях. Я отвернулась так резко, что стукнулась очками о стекло. Мой босс смотрел, пока внедорожник не уехал.

Год назад этот человек стоял у Пашиного гроба и держал Лену под локоть, чтобы не упала. Крепко, выходит, держал... Паш, не смотри, я сама разберусь.

— Да уж. Костик превзошёл себя. Я говорил Паше, что Ленка не вариант для жизни.

— Он женат. Это у него так, развлечение.

— Костик не развлекается, Снегурочка, Костик считает. Жена у него в фирме главным бухгалтером, при ней он разговаривает шёпотом. Мы его «Формат-Северу» каждый месяц платим за щиты столько, что вашей Лене хватит на шампанское до пенсии. А половина «Формат-Севера» была Пашина.

— Фирма в долгах. Он сам нам говорил.

— Костик и не такое расскажет.

— Спасибо, что подвезли, Богдан Петрович. До завтра.

— До четверга. Я в Москве, валяюсь в ногах.

Дома я накормила детей ужином, искупала Улю и села ждать Лену. Телефон у неё был отключён. Даня вышел на кухню в пижаме и встал у холодильника.

— Мама с дядей Костей уехала?

— Откуда ты знаешь про дядю Костю?

— Он приходил, когда ты была на смене. Конфеты принёс. И спрашивал, где лежат папины бумаги.

— И что ты ему сказал?

— Что не знаю. Я же правда не знаю. А ты знаешь?

Я знала. Пашина папка лежала у меня в шкафу под зимними вещами. Прошлым летом я сунула в неё оплаченные расписки не глядя и с тех пор не открывала ни разу, потому что не могла видеть его почерк.

Лена в ту ночь домой не пришла, а наутро офис гудел, и вовсе не из-за Восьмого марта. На меня косились со всех сторон. Солидная компания. Я заварила чай Петру Валентиновичу и его гостю, вернулась к бумагам, и тут в приёмную вошла Полосатая из отдела кадров.

— Ты куришь?

— Нет.

— Выйди в курилку. У Ростовского всё равно совещание. Если не выйдешь, относиться к тебе будут ещё хуже.

В курилке она была одна. Я на всякий случай оглянулась на дверь.

— Ты серьёзно думаешь, что мы тут будем разбираться, как в твоём детском доме? Марта случайно пролила чай и выкинула бумаги. Да, косяк. Но у нас коллектив! А ты стукачка! Ты практику проходишь, а мы тут работаем не первый год. Иди к Петру Валентиновичу и проси Марту вернуть. У неё ребёнок маленький, а её уволили по твоей вине! Что глазами хлопаешь? Если не пойдёшь, практику здесь не закончишь. Стукачей ни в одном коллективе не любят, поняла?

— Её уволили камеры, а не я.

Я развернулась и вышла. К Петру Валентиновичу я не пошла. Мне нужна была эта практика и эта бумага. Я останусь здесь, чего бы мне это ни стоило.

В пятницу женщин поздравляли с наступающим праздником. Мне достались букет и несколько красивых коробок, а Пётр Валентинович третий день намекал, что после диплома место в компании за мной. На корпоративе в большом зале собрались все отделы. Я не пила, поэтому стояла в углу со стаканом сока и молчала: подружиться за неделю я ни с кем не успела.

— А ты чего тут стоишь? Давай к нам!

Полноватая блондинка с ямочками взяла меня за руку и повела к столу. Отнекиваться было неудобно. У самого стола я наткнулась на насмешливый взгляд Полосатой, но стул мне уже отодвинули.

— Садись. Тортик будешь?

Я села, и в меня вонзилось что-то острое. Я вскочила и обернулась. На сиденье были кнопки, какие-то особенные, с длинными жалами. Платье сзади треснуло по шву, а с ним и колготки.

Наш айтишник, уже хороший, поднял бокал над головой.

— Ого! Вот это да! Бельё с гномами! Ты куда это села?

Хохот ударил со всех сторон. Смеялись все: и бухгалтерия, и водители. Первой перестала улыбаться блондинка с ямочками и зачем-то посмотрела на свои руки. Я выбежала, едва не сбив в дверях Ростовского-младшего, который вчера вернулся из Москвы, и не остановилась до женского туалета.

Там я сняла колготки, нащупала сзади дыру размером с ладонь и села на корточки у стены. Марту в коллективе любили: гениальный таргетолог, семь лет в компании. В её увольнении моей вины не было, но когда это кого-то останавливало? В детском доме мне однажды устроили тёмную за то, что мальчик из городской школы позвал меня танцевать. Почему нельзя просто поговорить, я не поняла и к двадцати трём.

А трусы с гномами выбирала Уля. Подарила на Новый год и велела носить на важную работу.

Дверь скрипнула. В женский туалет вошёл Богдан Ростовский с пиджаком в руке, в модной футболке с каким-то зелёным лохматым мультяшным чудищем.

— Это женский туалет!

— Трусы с гномами? Вы серьёзно?

Вот же хам. Значит, он стоял в дверях и видел всё: и кнопки, и шов, и гномов в красных колпаках.

— Да, а что в этом такого? Может, я фанат гномов. И простите, конечно, но это мне говорит человек в футболке с кикиморой и...

— С лешим! Это Леший, и он чем-то похож на вас, тоже заноза в заднице!

У меня потемнело в глазах. Ах так. Ну я тебе устрою, любимый босс, занозу в заднице. Ты ещё узнаешь, кто такая Снежана Кошкина, это я тебе обещаю.

Я встала. Держись, Кошкина, только держись. Это сын главного, и, если что, главный выберет сына.

Он протянул мне пиджак.

— Вот.

— Что это?

— Прикройте своё сказочное царство.

Пиджак я взяла, но надевать не спешила: искала подвох. Ростовского это развеселило.

— Я не идиот, троллить никого не собираюсь. Одевайтесь. И запомните, мадам Кошкина: не поставите себя в коллективе, так все и будут стебать. Даже если отец уволит всех, за себя надо стоять самой.

Он вышел. Я закуталась в пиджак, тёплый с его плеч, и прижалась затылком к кафелю. А Леший, может, не такой уж плохой человек... Я всю жизнь стою за себя сама, и кто бы знал, как я от этого устала.

Во вторник, после праздников, коллектив смотрел на меня настороженно: ждали, что побегу жаловаться. Я не побегала. Пиджак утром молча повесила на спинку его кресла, со всеми здоровалась и в шесть спустилась к проходной. У турникета стояла Марта в красивом голубом пальто.

— Бодя, стой!

Я обернулась. За мной, в трёх шагах, шёл Ростовский-младший.

— Марта, отвали, я всё сказал! Компенсацию ты получила хорошую, и сверху я добавил тебе из своих достаточно, чтобы ты отстала!

— Я жду ребёнка, Бодя.

Охранник в будке перестал жевать. Две девицы из бухгалтерии, которые шли к турникету, остановились и сделали вид, что ищут пропуска. Я толкнула дверь и пошла вниз по ступенькам, пока это кино не досняли со мной в кадре. Вот это я попала в тайну дворцовых переворотов. Зима прошла, на улице весна, у всех любовь... А у меня практика, опека и чужие беременные таргетологи.

— Жениться я на тебе не обещал, и барана из меня делать не надо! А вот моя невеста и вправду беременна!

Ступеньки почти кончились, когда сзади меня взяли за плечи чьи-то сильные руки.

— Милая, мы едем? А то я переживаю, как там ты и наш малыш. Мы же на УЗИ!

Какое ещё УЗИ? Я повернула голову. Надо мной было лицо моего босса, серьёзное и нежное, как на рекламном щите, а пальцы на моих плечах сжимались так, будто просили: молчи.

— Что здесь происходит? Ты что, правда променял меня на эту практикантку, Бодя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.